

БРИКС как предмет изучения теории международных отношений¹

А.А. Сергунин, Ф. Гао

Сергунин Александр Анатольевич – д.полит.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; Российская Федерация, 19106, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; E-mail: a.sergunin@spbu.ru

Гао Фей – профессор, заместитель президента и декан по академическим вопросам Китайского университета международных отношений; Китайская Народная Республика, 100037, Пекин, ул. Чжан-лянь, д. 24; E-mail: fgao@cfau.edu.cn

В статье анализируются различные интерпретации БРИКС современными теориями международных отношений. В частности, рассматриваются теория изменения соотношения сил, концепции «мягкой силы» и мирного сосуществования, теория «глобального регионализма», а также статусные теории. Каждая из них дает свое объяснение как самому феномену БРИКС, так и той роли, которую это интеграционное объединение играет в современной системе международных отношений. Делается вывод, что каждая из этих теорий, несмотря на известную ограниченность, может обладать эвристической ценностью – в зависимости от поставленных целей и задач исследования, а также способов применения. В совокупности они создают междисциплинарную основу для изучения такого сложного феномена, как БРИКС.

Многие современные исследователи склонны считать, что, наряду с преследованием сугубо материально-прагматических интересов, страны БРИКС активно используют это интеграционное объединение для укрепления своих позиций на мировой арене и повышения международного статуса.

Делается также вывод о том, что БРИКС преуспел в создании имиджа альтернативной модели мироустройства, основанной на принципах сотрудничества, взаимного уважения и баланса интересов, а не диктата, дискриминации и иерархии. Пока еще преждевременно утверждать, что в рамках БРИКС действительно был создан принципиально новый тип межгосударственных отношений или международного института. В то же время нет сомнений в том, что определенный позитивный опыт в рамках этого форума уже накоплен, а значит, БРИКС как институт имеет неплохие перспективы на будущее и представляет для теории международных отношений значительный интерес.

Ключевые слова: БРИКС; теория международных отношений

Для цитирования: Сергунин А.А., Гао Ф. (2018) БРИКС как предмет изучения теории международных отношений // Вестник международных организаций. Т. 13. № 4. С. 55–73 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-03.

Введение

С момента создания БРИКС привлекает довольно пристальное внимание академического сообщества. Несмотря на сравнительно «молодой возраст», БРИКС имеет уже достаточно богатую историографию. Можно выделить следующие группы работ по

---

¹ Статья поступила в редакцию в марте 2018 г.

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Санкт-Петербургским государственным университетом (шифр ИАС 17.37.226.2016).

БРИКС. Прежде всего, ряд работ посвящен истории возникновения и становления БРИКС [Коршунов, 2013; Толорая, 2011, 2014; Lukyanov, 2011; Nadkarni, Noonan, 2013; Simha, 2013; Wolfe, 2008]. В частности, исследователей интересовали мотивы сторон при их присоединении к данному интеграционному объединению. Этот тип исследований был характерен для раннего этапа изучения проблемы.

Самым распространенным типом работ по БРИКС являются исследования ученых-экономистов, посвященные изучению отдельных параметров экономического потенциала стран БРИКС, их влияния на общемировые экономические и финансовые процессы, сотрудничества друг с другом в области экономики, торговли, финансов, охраны окружающей среды и т.д. [Айдрус и др., 2016; Лексютина, 2017; Глинкин, 2014; Толорая, 2014; Толорая, Чуков, 2016; Nadkarni, Noonan, 2013]. В частности, широкий круг исследований освещает вопросы привлечения странами БРИКС прямых иностранных инвестиций как одной из причин их динамичного развития. В фокусе внимания исследователей-экономистов также находятся вопросы сопоставления совокупной экономической мощи «Группы семи» и группы БРИКС, соотношения этих двух неформальных группировок [Коршунов, 2013; Окунева, 2012; Панова, 2013; Kuzmin, 2013].

Относительно небольшое количество работ посвящено вопросам развития и перспектив БРИКС как особого механизма межгосударственного взаимодействия (в том числе направленного на стимулирование изменений в системе глобального экономического управления) [Айдрус и др., 2016; Лексютина, 2016, 2017; Глинкин, 2014; Окунева, 2012; Толорая, 2011, 2014; Толорая, Чуков, 2016; IBASE, 2015; Fulquet, 2015].

Работы же, в которых предпринимаются попытки теоретической интерпретации БРИКС как зачатка альтернативного экономического и политического мирового порядка, встречаются еще реже [Коньшев, Ноцень, Сергунин, 2017; de Coning et al., 2015; Fulquet, 2015; Stuenkel, 2014a, 2014b].

Между тем феномен БРИКС требует не только прикладного анализа, но и теоретического осмысления. Теоретическая рефлексия помогает избежать известной ограниченности чисто эмпирического подхода в понимании того, как объяснить природу, механизмы и перспективы эволюции БРИКС. Что возникает на наших глазах – очередной институт межгосударственного взаимодействия, вполне вписывающийся в ряд уже существующих структур, или это принципиально иная модель отношений, которая способна серьезно поменять тенденции мировой политики? Что движет политикой государств, входящих в БРИКС? Способна ли группа БРИКС стать альтернативой доминированию западных держав, которое оформлено в систему международных институтов и союзов? Обеспечит ли этот институт принципиально новые условия для развития международного сотрудничества в противовес силовому давлению? Можно ли считать БРИКС новым механизмом глобального управления или это не более чем временное межгосударственное объединение?

Не претендуя на то, чтобы ответить на все эти вопросы, данная статья фокусируется на рассмотрении основных теорий международных отношений (ТМО), анализирующих феномен БРИКС. Ставится задача не только определить достоинства и недостатки этих теорий, но и оценить их эвристический потенциал для изучения такого сложного явления, как БРИКС.

Данное исследование исходит из понимания БРИКС как перспективного интеграционного объединения, которое пока не имеет формализованного институционально-организационного характера и является не полноценной международной организацией, а межгосударственным дискуссионным форумом. Однако БРИКС имеет все шансы превратиться во влиятельный институт глобального управления, действующий по пра-

вилам, отличающимся от тех, что приняты в организациях, контролируемых наиболее развитыми странами мира.

Именно этот динамичный и многомерный характер БРИКС создает особые сложности для различных ТМО, пытающихся объяснить этот феномен и предугадать направление дальнейшего развития этого института. Из множества теорий, занимающихся изучением международных институтов, были выбраны те, которые, с одной стороны, являются наиболее влиятельными в рамках «своих» парадигм ТМО, а с другой – представляют наиболее интересные концептуальные интерпретации БРИКС.

Каждая из современных ТМО предлагает свое «прочтение» БРИКС.

Теория изменения соотношения сил

Среди западных экспертов наибольшей популярностью пользуется *теория изменения соотношения сил* (power transition theory, ТИСС), впервые предложенная А. Органски [Organski, 1958]. ТИСС, развиваемая в рамках парадигмы неореализма, исходит из допущения о том, что соотношение сил в мировой политике происходит постоянно. Эта теория считает возникновение конфликтов и войн результатом роста влияния государств, конкурирующих с доминирующими державами. В этом плане все государства делятся на сторонников «статус-кво» и «ревизионистов». Мощные и влиятельные государства, такие как США, пользуются преимуществами установленного мирового порядка и попадают в категорию «статус-кво», а государства, недовольные своим местом и ролью в международных отношениях, становятся «ревизионистами». Именно они склонны к радикальному изменению существующего международного порядка на иных условиях. И здесь в фокусе внимания оказываются прежде всего Россия и КНР.

Согласно ТИСС, современная «путинская» Россия является типичным «ревизионистским» государством. Эксперты американского консервативного фонда «Наследие» усматривают в этой связи несколько проблем, которые создает Россия для США и их союзников. По их мнению, режим Путина порождает вызов демократическим ценностям, что проявляется в сочетании неуважения к политическим, гражданским и экономическим правам граждан и слабой экономики. Восстановление военной мощи, политического и дипломатического влияния создает стратегический вызов Западу и его союзникам. В частности, растет угроза дружественным США государствам – Украине, Грузии, Польше, странам Балтии, Финляндии, Швеции. Наконец, проблему создает сотрудничество России со странами-«изгоями», включая Сирию, Иран, Северную Корею [Carafano, 2015]. Аналогичные оценки даются политике КНР [Cheng, 2016].

Если «ревизионисты» рассматриваются как источник дестабилизации мирового порядка, и в этом смысле их роль ассоциируется с негативными последствиями, то действия доминирующих (статус-кво) государств рассматриваются как позитивные, поскольку они выполняют охранительные системные функции. Поэтому такие случаи, как военная интервенция НАТО в Косово и фактический раздел Югославии, проекты Евро- и глобальной ПРО, расширение НАТО на восток, спонсирование «цветных революций» на постсоветском пространстве, военная помощь Тайваню со стороны США, демонстративное введение Вашингтоном принципа свободного мореплавания в Южно-Китайском море, не считаются угрозами для России или КНР [Carafano, 2015, p. 3].

Среди представителей ТИСС источники «ревизионистского» поведения оцениваются по-разному. Более умеренные эксперты считают таковыми неудачи в построении демократии внутри России и КНР, которые не дают им полноценно интегрироваться

в международную экономику и глобальные институты управления [Granholm et al., 2014, p. 10, 26–29]. Более радикальная точка зрения сводится к рассуждениям о принципиальной неспособности этих стран к интеграции с Западом, например, в силу исторически сложившихся тенденций развития России и Китая [Carafano, 2015, p. 3].

Неслучайно, что и политика государств, входящих в БРИКС, оценивается по-разному. Часть экспертов склонна видеть БРИКС в качестве инструмента, позволяющего некоторым его участникам закрепить статус великих держав и противостоять западным институтам на региональном и глобальном уровне. Большинство все же по-разному оценивают роль КНР и России: если Китай находится на подъеме, то Россия — в стадии упадка из-за экономических проблем. В качестве ответных мер предлагаются различные варианты политики сдерживания.

Однако не все представители ТИСС видят в России и Китае «ревизионистов». Согласно этой точке зрения, даже политика Путина в отношении Украины рассматривается как политика «статус-кво», направленная на сохранение российского влияния на постсоветском пространстве в противовес расширению НАТО [Charap, Shapiro, 2014; Kuhn, 2015]. Аналогичная ситуация складывается и на глобальном уровне, где КНР и Россия скептически относятся к идее реформы ООН. Правда, некоторые другие участники БРИКС (Бразилия и Индия), наоборот, заинтересованы в реформе, надеясь повысить свой статус в Совете Безопасности.

Сторонники тезиса о «статус-кво» считают, что проблема заключается в том, что страны БРИКС не удалось включить в качестве равных партнеров в систему международной безопасности, которая формируется после окончания «холодной войны». Так, в ряде случаев Запад пересек «красные линии», которые были обозначены Россией на постсоветском пространстве. Ясным сигналом такого рода стал, например, короткий военный конфликт России с Грузией в августе 2008 г. Другой случай — украинский кризис, начавшийся в 2014 г. Когда после свержения режима В. Януковича новые киевские власти явно высказались за вступление Украины в ЕС и НАТО, Москва вернула Крым в состав России и оказала помощь повстанцам в Донбассе.

По мнению данной группы экспертов, за этой политикой стоят не только геополитические, но и геоэкономические интересы России, связанные с ее проектом интеграции на постсоветском пространстве, который конкурирует с планами евроинтеграции через программу «Восточное партнерство» [Collins, 2015, p. 3; Sergunin, 2013]. Сторонникам этой точки зрения перспектива видится в налаживании сотрудничества с Россией, а не в конфронтации с ней. Аналогичный подход предлагается и в отношении Китая.

Несмотря на ряд достоинств, ТИСС имеет немало недостатков. Эта теория была более применима к периоду «холодной войны», когда две супердержавы были заинтересованы в поддержании «статус-кво» из-за угрозы взаимного уничтожения в случае войны. Современная система международных отношений находится лишь в стадии формирования новой структуры и условий стабильности. В этих обстоятельствах ТИСС мало что может объяснить в поведении государств, входящих в БРИКС.

ТИСС не учитывает существование третьего типа государств — «реформистского». Государства такого типа не во всем согласны с мировым устройством, но предпочитают не менять радикально «правила игры», а пытаются приспособить их к изменившимся условиям, сделать их более справедливыми и комфортными для всех участников международных отношений. Часто они выступают не в роли «ревизионистов», а наоборот, в роли сторонников «статус-кво», требуя соблюдения ранее установленных «правил игры» и международно-правовых норм. Например, страны БРИКС твердо выступают против попыток ревизии Устава ООН, предпринимаемых рядом западных государств

в области применения военной силы и соблюдения принципов незыблемости государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела суверенных государств (в противовес западной доктрине «гуманитарной интервенции») [Коньшев, Кубышкин, Сергунин, 2015, 2010].

В то же время участники БРИКС недовольны нынешним порядком вещей, при котором небольшая группа высокоразвитых государств занимает доминирующее положение и пытается диктовать остальной части мира свои правила. Страны БРИКС хотели бы изменить существующий мировой порядок, но не радикальным (революционным), а эволюционным путем, что дает основания считать их не «ревизионистскими», а «реформистскими» державами [Hansen, Sergunin, 2015]. Сами страны БРИКС также стремятся поддерживать имидж не «спойлеров» или «ревизионистов», а реформаторов ныне несправедливой системы международных отношений. Они пытаются создать альтернативные финансовые институты, которые бы способствовали недопущению нового мирового финансово-экономического кризиса [Михайленко, 2016; The Moscow Times, 2014]. Как показывают недавние документы БРИКС, этот форум берет на себя ответственность и в других сферах мировой политики – экология, борьба с негативными последствиями изменения климата, международным терроризмом, киберпреступностью, реформа ведущих международных организаций, включая ООН и пр. [BRICS, 2017]. В целом страны БРИКС демонстрируют стремление построить более эффективные модели миропорядка по сравнению с западными, причем делают это на неконфронтационной основе [Михайленко, 2016].

Таким образом, если сторонники ГИСС хотят, чтобы эта теория в большей степени соответствовала современным реалиям и сохраняла свою объясняющую силу в нынешних условиях, им необходимо пересмотреть используемую типологию государств и дополнить ее новым («реформистским») типом держав.

Концепция «мягкой силы»

Неолиберальная концепция «мягкой силы» востребована в странах БРИКС, с одной стороны, чтобы преодолеть негативный образ, который возник на Западе в ходе международных конфликтов (Россия с Грузией и Украиной, КНР с соседями в Южно-Китайском море, Индия с Пакистаном). С другой стороны, она помогает сделать более эффективными методы геополитической и геоэкономической экспансии.

В странах БРИКС «мягкая сила» трактуется по-разному, не всегда совпадая с тем содержанием, которое первоначально вкладывал в это понятие его автор Дж. Най. Последний подчеркивал, что в основе «мягкой силы» лежит привлекательность тех или иных государств для других участников международных отношений. В реальной же политике России и Китая чаще доминирует сугубо прагматический интерес, не всегда учитывающий предпочтения партнеров. По мнению Дж. Най, это вызывает не просто неприятие, но и враждебность в отношении инициатив этих государств по линии «мягкой силы» [Нуе, 2013].

Власти России и Китая рассматривают «мягкую силу» лишь как вспомогательный инструмент в политике по защите национальных интересов, в то время как многие эксперты справедливо усматривают в этой концепции более широкое прочтение безопасности. Оно состоит во включении в понятие безопасности невоенной составляющей, а также в большей мере опирается на сотрудничество в отношениях с партнерами [Гронская, Макарычев, 2010; Цыганков 2013; Sergunin, Karabeshkin, 2015; Tsygankov, 2012].

Следует отметить ряд особенностей в интерпретации странами БРИКС концепции «мягкой силы». Прежде всего, этот термин используется как зонтичный, объединяя такие близкие термины, как «публичная дипломатия», «народная дипломатия», «гуманитарное измерение политики», «НГО-дипломатия». Среди инструментов «мягкой силы» предпочтения отдаются финансовым рычагам (особенно КНР), культурным связям и этническим диаспорам, системам образования и церкви. Страны БРИКС создали специализированные учреждения для реализации «мягкой силы» (КНР – Институты Конфуция, Россия – Россотрудничество, фонды «Русский мир», Горчакова, Андрея Первозванного и пр.).

При этом политика «мягкой силы» в большой степени контролируется и направляется государством, что в известной мере лишает ее гибкости. По мнению Дж. Наю, Россия и КНР делают ошибку, недооценивая важность гражданской инициативы, в то время как в США источником «мягкой силы» выступает не государство, а университеты, кинематограф, поп-культура [Наю, 2013]. Государству следует не ограничивать институты гражданского общества, а усиливать эффект от их работы.

В то же время применение «мягкой силы» странами БРИКС имеет ряд особенностей и преимуществ. Во-первых, БРИКС демонстрирует инклюзивность своего формата сотрудничества. Страны БРИКС находятся на разных континентах, у них разные политический строй, уровень экономического развития, история и культурные традиции. И при этом БРИКС показывает, что разные страны могут сотрудничать и добиться успеха. Во-вторых, в отличие от Запада, за прошедшие двадцать лет БРИКС демонстрирует успехи в области своего социально-экономического развития. В 1990–2015 гг. доля западных стран в мировом ВВП сократилась с 78,7 до 56,8%, а доля новых экономик увеличилась с 19,0 до 39,2%². В-третьих, Индия, Китай и Россия имеют долгую историю и особую культуру, которые существенно обогатили мировую культуру.

В целом страны БРИКС идут достаточно самостоятельным путем в использовании «мягкой силы», не стараясь копировать западный опыт и отойдя от трактовки концепции по Дж. Наю. В их практике пока преобладает инструменталистский и прагматический подход, ориентированный на важные государственные политические цели. Правда, как в доктринальных документах этих государств, так и в академической среде не выработано четкого терминологического аппарата, что в конечном счете негативно сказывается на концептуальной проработке и эффективности этого инструмента. В то же время страны БРИКС обладают достаточно мощным потенциалом «мягкой силы», который способен значительно усилить политику в традиционных сферах влияния, особенно если удастся достичь привлекательности этой политики по Дж. Наю.

Теория мирного сосуществования

Одной из отличительных черт международной политики России, Индии и Китая долгое время была и до сих пор остается идея мирного сосуществования. Ее в разных версиях разрабатывали представители неолиберализма, глобализма, неореализма. В России она появляется еще в первые годы существования советского государства, попавшего во враждебное капиталистическое окружение. Мирное сосуществование не отменяло конфронтации, но, попав в изоляцию, советское руководство во главе с В.И. Лениным предпочло перевести непримиримый конфликт с Западом из военной в иные формы соперничества. В ленинской интерпретации избегание вооруженной борьбы вовсе не означало мира с враждебным по определению лагерем капитализма. Наоборот, он рас-

² UN Databases. Режим доступа: <http://www.un.org/zh/databases/> (дата обращения: 20.11.2018).

сма­три­вал мир­ное сосу­ще­ст­во­ва­ние как пе­ре­вод вой­ны в иные фор­мы со­пер­ни­че­ства, пре­жде все­го по ли­нии э­ко­но­ми­че­ско­го со­ре­в­но­ва­ния, ко­то­рое дол­жно бы­ло обес­пе­чить пре­иму­ще­ство со­ци­а­ли­сти­че­ской мо­де­ли об­ще­ст­вен­но­го раз­ви­тия [Ле­нин, 1970, с. 78].

В СССР эта концепция оставалась востребованной и после Второй мировой войны вплоть до «перестройки» М. Горбачева, когда ей была придана новая конфигурация. Однако с окончанием «холодной войны» интерес к этой теме угас на фоне несбывшихся надежд российских элит войти на равных в международные институты, а сам термин исчез из доктринальных документов.

Китай, который никогда не отказывался от концепции мирного сосуществования, после операции НАТО в Косово в 1999 г. поставил ее в ряд основополагающих принципов, которыми необходимо руководствоваться в международной политике: уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, равенство, ведущая роль ООН как универсальной международной организации [Российская газета, 1999]. Китай противопоставил принцип мирного сосуществования американскому «неоинтервенционизму». В Индии идея мирного сосуществования претерпела некоторые изменения, приобретя форму концепции *Vasudhaiva Kutumbakam* («весь мир как одна семья»), где нет места гегемонии [Gupta, Chatterjee, 2015, p. 115–124].

Доктринальные документы Бразилии в сфере внешней политики формально не упоминают мирное сосуществование с 1960-х годов, однако политическая практика государства этому принципу вполне соответствовала. Это установление двустороннего сотрудничества независимо от политического и экономического режима государства-партнера, уважение суверенитета, развитие многостороннего сотрудничества [Abdenur, 2015].

В Южно-Африканской Республике принцип мирного сосуществования в виде концепции *Ubuntu* был официально зафиксирован в «Белой книге» по внешней политике 2011 г., где он определяется как «уважение ко всем государствам, народам и культурам», а национальная безопасность включает безопасность личности как приоритетную цель [Mandrup, Smith, 2015, p. 150–151].

Внимание стран БРИКС к концепции мирного сосуществования можно объяснить объективными обстоятельствами. С определенного момента эти государства перестала устраивать прежняя система отношений с Западом, которая оказалась нежизнеспособной. Так, Россия столкнулась с провалом идеи «всеобъемлющей безопасности» (М. Горбачев), с ролью «младшего партнера» Запада (Б. Ельцин), а затем с неэффективностью стратегического партнерства с США (первые два президентских срока В. Путина и период администрации Д. Медведева). Запад не считался с региональными и глобальными интересами стран БРИКС, довольно жестко критиковал их за «авторитаризм», дефицит демократии и неуважение прав человека. Подобная политика Запада подтолкнула не только страны БРИКС, но и другие государства, не желающие принимать диктат «золотого миллиарда», к осознанию того факта, что они предпочитают другие модели общественного развития. Единственным принципом, на котором можно и нужно строить отношения между государствами разного типа, является концепция мирного сосуществования.

Конечно, в современных условиях концепция мирного сосуществования имеет иное содержание, чем в годы «холодной войны», поскольку не стало непримиримого соперничества социально-политических систем. Страны БРИКС не стремятся нанести поражение мировой капиталистической системе, как это было со странами социалистического лагеря в прошлом. Они хотят всего лишь интеграции в мировое хозяйство и системы глобального управления на равноправной основе. В геополитическом плане

Россия утратила статус супердержавы и не может претендовать на прежний уровень соперничества, а другие страны БРИКС и вовсе избегают глобальной конфронтации с США.

Современную трактовку идеи мирного сосуществования, характерную для стран БРИКС, можно свести к следующим положениям:

- страны с различными экономическими и социально-политическими системами могут мирно сосуществовать;
- доминирование одной или нескольких стран в мировой политике неприемлемо;
- предпочтение должно отдаваться инструментам «мягкой силы», а военная сила должна быть лишь крайним средством;
- готовность к сотрудничеству с международными политическими и экономическими структурами, созданными Западом, даже несмотря на сохраняющиеся противоречия с ними.

Концепция мирного сосуществования пока не вошла в постоянный политический лексикон стран БРИКС (за исключением КНР). Отчасти это объясняется своего рода «аллергией» на марксистско-ленинскую терминологию. Но в той или иной форме эта концепция присутствует в их внешнеполитическом арсенале [de Coning et al., 2015; Sergunin, 2016, p. 37–45].

Однако, как отмечает ряд исследователей, и концепция мирного сосуществования не может охватить всю сложность и разнообразие такого феномена, как БРИКС и его международная деятельность. Она лишь отчасти проливает свет на мотивацию и отдельные особенности поведения «пятерки» на международной арене. Но она не может дать полноценного объяснения того, почему эти страны объединились в группу, и какие долгосрочные стратегические цели они преследуют. Не может она объяснить и то, где находятся границы политики «мирного сосуществования», за пределами которых страны БРИКС начинают прибегать к силе, и какие факторы побуждают их идти на такие рискованные шаги [de Coning et al., 2015; Sergunin, 2016, p. 37–45].

В более общем плане все рассмотренные выше теории и концепции страдают одним существенным недостатком: они основаны на принципах рационализма, т.е. воспринимают страны БРИКС лишь как сугубо рациональных акторов, стремящихся к максимизации своей выгоды и строящих свою деятельность в прагматическом ключе. Поэтому теории и концепции не могут объяснить эмоциональные, непредсказуемые, нелогичные поступки этих государств, которые не только не приносят им пользу, но и иногда даже могут вредить их интересам и наносить ощутимый ущерб.

Статусные теории

Статусные теории оказываются особенно полезными в тех случаях, когда политика стран БРИКС оценивается партнерами как «эмоциональная», «иррациональная» и «непредсказуемая», когда она не вписывается в теории, построенные по принципу рационализма, к которым относятся ТИСС, а также концепции мирного сосуществования и «мягкой силы». Статусные теории обращаются к мотивам политики, связанным с самооценкой, репутацией, честью и достоинством, славой, симпатиями и другими эмоционально-психологическими категориями, которые вносят элемент хаоса в политическое поведение лидеров и общественных групп. Первые работы, в которых связывался конфликт и недооценка статуса государства, появились в конце 1960 – начале 1970-х годов [Midlarsky, 1969; Wallace, 1973].

Возврат к теме статуса наблюдается с 2000-х годов, когда к ней обратились представители разных теоретических парадигм. Такие школы, как неореализм и неолиберализм, в основном фокусировались на интересах выживания и экономической целесообразности, считая статус производной от военной и экономической мощи. Для постпозитивистских школ поначалу статус также не был важной аналитической категорией, хотя именно они обратили внимание на психологические аспекты политического поведения. Например, социальный конструктивизм считает, что идентичность и норма являются движущими силами политики, а не соображения статуса или престижа [Onuf, 2013].

Применительно к БРИКС тема статуса впервые была поднята в связи с дискуссией о том, что главная цель современной России состоит в том, чтобы усилить свое значение в мировой политике, вернув прежние позиции великой державы [Kanet, 2010; Kuhn, 2015; Larson, Shevchenko, 2010; Neumann, 2005, 2007]. Поводом стал поворот в политике России, которая более решительно стала защищать свои интересы при президенте В. Путине. Российский президент воспринял крушение СССР как «величайшую геополитическую катастрофу XX в.». Статус России потерял определенность, поскольку наличие ядерного потенциала и место постоянного члена Совета Безопасности ООН удерживали ее среди наиболее влиятельных стран, но по остальным показателям она скатилась на уровень периферийного государства. В связи с этим некоторые западные эксперты оценивали состояние российских элит как «статусная паника» [Forsberg et al., 2014; Hansen, Sergunin, 2015, p. 94; Smith, 2014].

Интерес к статусным теориям подогрели и дискуссии о природе конфликтов России с Грузией (2008 г.) и Украиной (2014 г.). Часть исследователей, последователей идей конструктивизма и постструктурализма, усматривает здесь проявление страха России окончательно утратить статус великой державы. Причем эта мотивация способна стать даже более важной, чем вопрос безопасности или экономического процветания [Sergunin, 2014]. Еще дальше идут авторы, утверждающие, что ориентированная на статус внешняя политика России имеет глубокие исторические корни, поскольку на протяжении столетий Москва стремилась доказать свой высокий статус в Европе [Neumann, 2005].

С Китаем, который прежде не имел статуса великой державы, складывается несколько иная ситуация. Быстрый экономический рост после окончания «холодной войны» перестал соответствовать прежнему характеру политических и экономических отношений с Западом. Поначалу Китай стремился добиться статуса великой державы путем адаптации капиталистических норм, но так и не был принят на равных в западное сообщество. Тогда Пекин занял более состязательную позицию, но не входящую в противостояние, и довольно успешно добивается изменения собственного, оригинального имиджа в глазах Запада в позитивную сторону, как государства, которое не ищет гегемонии, но требует уважения, соответствующего новому статусу.

Индия и Бразилия также стремятся к статусу великих держав, опираясь на большие территории и численность населения, достигнутый экономический и военный потенциал, завоеванный авторитет. Их поведение носит скорее символический характер и направлено на повышение уважения со стороны других государств [Михайленко, 2016; Larson, Shevchenko, 2010, p. 70]. О таком символизме говорят слова президента Бразилии по поводу принятия Олимпийских игр – 2016: выбор Бразилии в качестве хозяина игр вывел ее из круга стран второго класса в страны первого класса. Южно-Африканская республика не имеет амбиций великой державы, но на региональном уровне стремится играть ведущую роль.

В политическом плане государства, стремящиеся повысить свой международный статус, могут пытаться примкнуть к лидирующей группе государств (стратегия мобильности), вступить в соревнование с лидерами (стратегия соревнования) или пытаться достичь преимуществ в какой-либо области (стратегия креативности). Выбор конкретной стратегии или их комбинации зависит от степени открытости международной иерархии и степени близости ценностей социально-экономического и культурного развития.

Например, после окончания «холодной войны» государства БРИКС пошли на либерально-демократические реформы, чтобы войти в экономические и политические институты Запада, такие как МВФ, ВТО, Совет Европы, G7. В то же время закрытость таких организаций, как ЕС или НАТО, побуждает Китай и Россию перейти к стратегии соревнования [Larson, Shevchenko, 2010, p. 72–73]. На пути креативной стратегии Россия пытается опираться на неоконсервативные идеи коллективизма, духовности и православия в противовес индивидуализму, материализму и либеральной морали Запада [Laguette, 2008; Sergunin, 2014]. Креативность создается и на уровне высокой дипломатии харизматическими лидерами. Например, за счет этих качеств президент В. Путин сумел добиться признания своего плана по уничтожению сирийского химического оружия. Концепция «нового шелкового пути» другого харизматического лидера Си Цзинь Пина была воспринята как глобальный проект взаимовыгодной экономической интеграции Евразии.

Несмотря на привлекательность, статусные теории пока оставляют без ответа ряд важных вопросов. Например, необходимо понять, каковы индикаторы статуса. Важно также прояснить вопрос, когда статус становится важнее материальных интересов. В содержательном плане большое значение имеет вопрос о том, какие инструменты использует государство для изменения статуса. Что касается внутренних аспектов статусной политики, необходимо изучить, до какой степени внутривнутриполитические институты могут влиять на рост или снижение чувства «неуважения» в обществе. На эти вопросы статусным теориям еще предстоит найти ответ.

Теория «глобального регионализма»

Уникальность БРИКС состоит в том, что это – не обычный международный регион, представляющий совокупность государств, находящихся поблизости друг от друга и формирующих некую историческую, экономическую, политическую и социокультурную общность (или, по крайней мере, стремящихся к созданию такой общности). В соответствии с теорией «нового регионализма» [Лагутина, 2009; Лагутина, Васильева, 2012; Acharya, 2014; Heininen, 2016; Hettne, Inotia, Sunkel, 1999; Langenhove, 2011], БРИКС относится к числу так называемых глобальных регионов, которые формируются не столько на основе территориально-географической близости, сколько на функциональных, сетевых, идентичностных, многоакторных и многофакторных принципах. Подобные регионы имеют «сквозную природу»: они легко «пронизывают» различные уровни – локальный, собственно региональный и глобальный – и создают «ткань» мировой политики совершенно иного типа [Авдокушин, Жариков, 2013; Meena, 2015]. К числу таких «глобальных регионов», кроме БРИКС, относят, например, Евросоюз, АСЕАН, МЕРКОСУР, Евразийский экономический союз, Арктику и пр.

Сторонники теории «глобального регионализма» считают, что за время своего существования БРИКС удалось сформировать общую транснациональную «повестку

дня». В число наиболее важных сфер сотрудничества стран БРИКС входят следующие вопросы:

- усовершенствование мировой финансовой системы;
- развитие промышленных и торговых связей;
- энергетическая безопасность;
- сотрудничество в области изменения климата и охраны окружающей среды;
- совместные научные проекты;
- борьба с кибертерроризмом;
- координация действий стран данной группы в международных организациях, включая ООН и ее специализированные учреждения.

В подкрепление этой глобальной «повестки дня» БРИКС создал ряд собственных финансовых институтов: Новый банк развития с начальным капиталом в 100 млрд долл. США и пул условных валютных резервов также в размере 100 млрд долл. США.

В последние годы на роль одной из глобальных «скреп» БРИКС выдвинулся китайский проект «нового шелкового пути» (или «Один пояс, один путь») [Лагутина, Батур, 2016; Лексютина, 2017]. Поначалу он был нацелен на развитие сухопутного транспортного коридора по территории Евразии. Затем был дополнен морскими маршрутами из Восточной Азии в Европу – южным (через Суэцкий канал) и северным (Северный морской путь). В итоге проект получил поистине глобальное измерение, включив в себя Тихоокеанский регион и Южную Америку, где находится один из членов БРИКС – Бразилия.

В то же время критики теории «глобального регионализма» отмечают, что в рамках БРИКС пока еще не возникла по-настоящему единая «повестка дня». За редким исключением, большинство кооперационных связей внутри БРИКС имеет двусторонний, а не многосторонний характер. К тому же, между самими членами этой международной группы существуют многочисленные разногласия. Особенно серьезными являются расхождения между Индией и Китаем, включая территориальные споры между ними, не раз приводившие к прямому военно-политическому противостоянию между этими странами. Оппоненты данной теории считают, что пока рано говорить о БРИКС как о цельной общности, сравнимой по своим характеристикам с другими интеграционными объединениями. По этой причине БРИКС пока не в состоянии играть по-настоящему влиятельную роль в мировой политике и экономике.

Заключение

Итак, различные теории международных отношений дают свои оригинальные объяснения как самому феномену БРИКС, так и мотивации поведения стран, входящих в эту группу, а также той роли, которую это интеграционное объединение играет в современной мировой политике и экономике. Если говорить об относительной ценности или доказательности каждой из этих теорий, то наиболее приемлемым представляется принцип комплементарности, согласно которому каждая теория оказывается продуктивной в зависимости от поставленной цели исследования. Вместе они – на базе междисциплинарного подхода – создают основу для изучения такого сложного политического явления, как БРИКС.

Новейшие теории склонны считать, что, наряду с преследованием сугубо материально-прагматических интересов (защита от финансово-экономических рисков эпохи глобализации, порождаемых доминированием группы высокоразвитых государств, координация совместных действий перед лицом геополитического «натиска» Запада

и для решения ряда общих проблем и пр.), страны БРИКС активно используют это интеграционное объединение для укрепления своих позиций на мировой арене и повышения международного статуса.

При этом члены группы применяют различные методы — от стратегии мобильности и конкуренции до различных видов креативности. Эти внешнеполитические стратегии дали определенный эффект, за исключением России, чья международная репутация пострадала из-за украинского кризиса. Большинству же стран БРИКС в целом удалось создать имидж конструктивных и миролюбивых государств, предпочитающих сотрудничество конфронтации, соблюдающих международные правила и с уважением относящихся к своим международным партнерам. Впрочем, и для России участие в БРИКС оказалось весьма полезным с репутационно-статусной точки зрения. Благодаря тому, что большинство стран, входящих в эту группу, не поддержало западные санкции против Москвы, России удалось не только избежать полной международной изоляции, но и активно влиять на события как в ряде регионов, так и на глобальном уровне.

В целом БРИКС сумел сформировать о себе представление как об альтернативной модели мироустройства, где действуют иные принципы и правила межгосударственного сотрудничества, исключающие диктат, дискриминацию и иерархию. Пока еще рано говорить о том, что в рамках БРИКС действительно создан принципиально новый тип международных отношений или международного института, но, несомненно, определенный позитивный опыт в рамках этого объединения уже накоплен. Несомненно также, что деятельность БРИКС и в дальнейшем будет заслуживать самого непосредственного внимания со стороны теории международных отношений.

Источники

Авдокушин Е.Ф., Жариков М.В. (2013) Страны БРИКС в современной мировой экономике. М.: МАГИСТР ИНФРА-М.

Айдрус И.А., Толорая Г.Д., Юртаев В.И. (2016) БРИКС: сотрудничество в целях развития: сборник материалов конференции. М.: РУДН.

Глинкин С.П. (2014) Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики — взаимодействие в БРИКС. М.: Институт экономики РАН.

Гронская Н.Э., Макарычев А.С. (2010) Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Вопросы управления. № 10. С. 22–27.

Коньшев В.Н., Кубышкин А.И., Сергунин А.А. (2015) Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 26. С. 53–66.

Коньшев В.Н., Ношень Э., Сергунин А.А. (2017) Символические и репутационно-статусные стратегии БРИКС: проблемы и возможности // Символическая политика. Вып. 5. Политика идентичности / под ред. О.Ю. Малиновой. М.: ИНИОН РАН. С. 159–174.

Коршунов С.А. (2013) БРИКС в современном мире и интересы России // Мир и политика. № 1. С. 44–47.

Лагутина М.Л. (2009) Мировополитические аспекты глобальной стратификации. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.

Лагутина М.Л., Батур А.Г. (2016) «Новый Шелковый путь»: американская стратегия в современной Евразии // Евразийский юридический журнал. № 7 (98). С. 36–41.

Лагутина М.Л., Васильева Н.А. (2012) Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: Издательство Политехнического университета.

- Лексютина Я.В. (2016) Китай в БРИКС: первый среди равных // Проблемы Дальнего Востока. № 5.
- Лексютина Я.В. (2017) Лидерство в БРИКС: прогнозы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 5. С. 25–33.
- Ленин В.И. (1970) Собрание актива московской организации РКП(б). 6 декабря 1920 г. Доклад о концессиях // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат.
- Михайленко Е.Б. (2016) Альтернативный регионализм БРИКС // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. Т. 11. № 3. С. 194–206.
- Окунева Л.С. (2012) БРИКС: проблемы и перспективы. М.: МГИМО МИД РФ.
- Панова В. (2013) БРИКС: проблемы взаимодействия и потенциал сотрудничества // Обозреватель. № 1. С. 39–53.
- Сергунин А.А. (2010) Суверенитет: эволюция концепта // ПОЛИТЭКС. Т. 6. № 4. С. 5–21.
- Российская газета (1999) Строительство нового мирового порядка. 4 сентября. Режим доступа: <http://www.rg.ru/prilog/es/0904/1.htm> (дата обращения: 12.08.2017).
- Толорая Г.Д. (2011) БРИКС: Шанс изменить миропорядок? // Мир перемен. № 3. С. 136–152.
- Толорая Г.Д. (2014) Проблемы выработки долгосрочной стратегии БРИКС: российский взгляд // Сравнительная политика. Т. 5. № 1 (14). С. 37–46.
- Толорая Г.Д., Чуков Р.С. (2016) Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 11. № 2. С. 97–112.
- Цыганков А. (2013) Всесильно, потому что верно? // Россия в глобальной политике. № 12. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vsesilno-ibo-verno-16251> (дата обращения: 12.02.2018).
- Abdenur A.E. (2015) Brazil as a Rising Power: Coexistence Through Universalism // The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order / С. De Coning, T. Mandrup, L. Odgaard (eds). Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group. P. 49–74.
- Acharya A. (2014) The End of the American World Order. Cambridge and Malden: Polity Press.
- BRICS (2017) BRICS Leaders Xiamen Declaration. Xiamen, China, 4 September. Режим доступа: https://brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170908_2020.html (дата обращения: 12.02.2018).
- Carafano J. (ed.) (2015) U.S. Comprehensive Strategy toward Russia. Washington, DC: The Heritage Foundation.
- Charap S., Shapiro J. (2014) A New European Security Order: The Ukraine Crisis and the Missing Post-Cold War Bargain. Paris: FRS.
- Cheng D. (2016) China: Ready to Assume a Leadership Role? 10 March. Режим доступа: <http://www.heritage.org/research/commentary/2016/3/china-ready-to-assume-a-leadership-role> (дата обращения: 12.02.2018).
- Collins J. (2015) Daunting Challenges and Glimmers of Hope in Ukraine. 20 November. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. Режим доступа: <http://carnegieendowment.org/2015/11/20/dauntingchallengesandglimmersofhopeinukraine/im6s> (дата обращения: 12.08.2017).
- de Coning C., Mandrup T., Odgaard L. (2015) The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order. Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group.
- Forsberg T., Heller R., Wolf R. (2014) Introduction // Communist and Post-Communist Studies. No. 47. P. 261–268.
- Fulquet G. (2015) The Rise and Fall of International Powers: an Assessment of the BRICS. Buenos Aires: FLACSO.
- Granholm N., Malminen J., Persson G. (2014) A Rude Awakening. Ramifications of Russian Aggression Towards Ukraine. Stockholm: FOI.
- Grygas A. (2012) Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States // Chatham House Briefing Paper. August. Режим доступа: http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_grigas.pdf (дата обращения: 12.02.2018).

- Gupta S., Chatterjee S. (2015) Indian foreign policy and coexistence: continuity and change // *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order* / C. De Coning, T. Mandrup, L. Odgaard (eds). Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group. P. 100–124.
- Hansen F., Sergunin A. (2015) Russia, BRICS, and peaceful coexistence: between idealism to instrumentalism. *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order* / C. De Coning, T. Mandrup, L. Odgaard (eds). Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group. P. 75–99.
- Heininen L. (2016) Security of the Global Arctic in Transformation – Potential for Changes in Problem Definition // *Future Security of the Global Arctic. State Policy, Economic Security and Climate* / L. Heininen (ed.). Basingstoke: Palgrave Pivot.
- Hettne B., Inotia A., Sunkel O. (1999) *Globalism and the New Regionalism*. L.: Macmillan.
- IBASE (2015) *BRICS: New Configurations of Global Power*. Instituto Brasileiro de Análises Sociais e Econômicas (IBASE). Rio: IBASE.
- Kanet R. (2010) *Russian Foreign Policy in the 21st Century*. L.; N. Y.: Palgrave Macmillan.
- Kuhn U. (2015) Understanding Russia // *Russian Analytical Digest*. No. 162. P. 5–8.
- Kuzmin V. (2013) New BRICS reserve pool to fight currency shocks // *Russia Beyond the Headlines*. 11 September.
- Langenhove L. van (2011) *Building Regions: The Regionalization of the World Order*. Abingdon: Ashgate Publishing.
- Larson D., Shevchenko A. (2010) Status Seekers. Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // *International Security*. Vol. 34. No. 4. P. 63–95.
- Laruelle M. (2008) *Russian Eurasianism, an Ideology of Empire*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Lukyanov F. (2011) BRICS goes from fantasy to reality // *Russia in Global Affairs*. 17 April.
- Mandrup T., Smith K. (2015) South Africa’s “diplomacy of ubuntu”: an African approach to coexistence? // *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order* / C. De Coning, T. Mandrup, L. Odgaard (eds). Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group. P. 149–170.
- Meena K. (2015) Regions, Regionalization and BRICS // *R/evolutions: Global Trends and regional issues*. Vol. 3. No. 1. P. 18–42.
- Midlarsky M. (1969) *Status Inconsistency and the Onset of International Warfare*. Evanston: Northwestern University.
- Nadkarni V., Noonan N.C. (2013) *Emerging Powers in a Comparative Perspective: The Political and Economic Rise of the BRIC Countries*. N. Y.: Bloomsbury.
- Neumann I. (2007) Russia as a Great Power // *Journal of International Relations Development*. Vol. 11. No. 2. P. 128–151.
- Neumann I. (2005) Russia as a Great Power // *Russia as a Great Power. Dimensions of Security Under Putin* / J. Hendeskog, V. Konnander, B. Nygren, I. Oldberg, C. Pursiainen (eds). Abingdon: Routledge. P. 13–28.
- Nye J. (2013) What China and Russia Don’t Get About Soft Power. 29 April. Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power (дата обращения: 12.02.2018).
- Onuf N. (2013) *Making Sense, Making Worlds. Constructivism in Social Theory and International Relations*. Abingdon: Routledge.
- Organski A.F.K. (1958) *World Politics*. N. Y.: Alfred and Knopf.
- Sergunin A. (2013) Bridging a (mis)perceptual gap: the EU’s Eastern Partnership and Russian policies in the Trans-Caucasus // *Bilge Strateji*. Vol. 5. No. 8. P. 24–25.
- Sergunin A. (2016) *Explaining Russian Foreign Policy Behavior: Theory and Practice*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Sergunin A. (2014) Has Putin the Pragmatist Turned into Putin the Ideologue? // *Vlaams Marxistisch Tijdschrift*. Vol. 48. No. 2. P. 68–69.

Sergunin A. (2017) Russian Perceptions of the Ukrainian Crisis: From Confrontation to Damage Limitation? // Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis From the Soviet Union into Eurasia? / G. Besier, K. Stoklosa. Abingdon: Routledge. P. 41–54.

Sergunin A., Karabeshkin L. (2015) Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. Vol. 35. No. 3–4. P. 347–363.

Simha R.K. (2013) Why Russia prefers BRICS to Europe // Russia Beyond the Headlines. 8 October.

Smith H. (2014) Russia as a great power: Status inconsistency and the two Chechen wars // Communist and Post-Communist Studies. No. 47. P. 355–363.

Stuenkel O. (2014a) Emerging Powers and Status: The Case of the First BRICS Summit // Asian Perspective. Vol. 38. No. 1. P. 89–109.

Stuenkel O. (2014b) The BRICS and the Future of Global Order. Lanham: Lexington Books.

The Moscow Times (2014) Russia Says BRICS Development Bank Ready to Launch. 9 July. Режим доступа: <http://www.themoscowtimes.com/business/article/russia-saysbrics-development-bank-ready-to-launch/503183.html> (дата обращения: 12.08.2017).

Tsygankov A. (2013) Moscow's Soft Power Strategy // Current History. Vol. 112. No. 756. P. 259–264.

Wallace M. (1973) Alliance Polarization, Cross-Cutting and International War, 1815–1964: A Measurement Procedure and Some Preliminary Evidence // Journal of Conflict Resolution. Vol. 17. No. 4. P. 575–604.

BRICS as the Subject of Study of International Relations Theory¹

A. Sergunin, F. Gao

Alexander Sergunin – Doctor of Political Science, Professor, Department of International Relations Theory & History, St. Petersburg State University; 1/3 Smolny Str., St. Petersburg, 191060, Russian Federation; E-mail: a.sergunin@spbu.ru.

Fei Gao – Professor, Vice-President, Dean of Academic Affairs, China Foreign Affairs University, 24 Zhanlan Rd., Beijing 100037, People's Republic of China E-mail: fgao@cfau.edu.cn

Abstract

This article examines the phenomenon of the BRICS grouping of Brazil, Russia, India, China and South Africa from the perspective of several theories of international relations; in particular, power transition theory, soft power and peaceful coexistence concepts, the theory of “global regionalism” and status theories are reviewed. Each explains both the BRICS phenomenon and the role of this integration association in the present-day international relations system. It is concluded that, depending on research objectives and the way it is applied, each theory – despite limitations – has explanatory power. Together they create an interdisciplinary basis for studying complex phenomena such as the BRICS.

A number of modern theories hold that, along with the pursuit of purely material and pragmatic interests, the BRICS countries actively use this integration association to strengthen their positions in the world arena and elevate their international status.

It is also concluded that the BRICS succeeded in creating an image of an alternative model of world order based on the principles of cooperation, mutual respect and balance of interests, rather than mandate, discrimination and hierarchy. It is premature to make a statement that a principally new type of interstate relations or an international institution has been created within the BRICS framework. At the same time, it is also certain that some positive experience has already been accumulated in the framework of this forum, and that this association offers good prospects for the future. For this reason it is of considerable interest for international relations theory.

Key words: BRICS; international relations theory

For citation: Sergunin A., Gao F. (2018) BRICS as the Subject of Study of International Relations Theory. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 4, pp. 55–73 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-03.

References

Toloraya G., Yurtaev V., Ajdrus I. (2016) *BRICS: sotrudnichestvo v tselyakh razvitiya. Obrazovanie. Nauka. Biznes [BRICS: Cooperation for the Purposes of Development. Education. Science. Business]*. Moscow: RUDN. (In Russian)

Abdenur A.E. (2015) Brazil as a Rising Power: Coexistence Through Universalism. *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order* (C. de Coning, T. Mandrup, L. Odgaard (eds)). Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group, pp. 49–74.

Acharya A. (2014) *The End of the American World Order*. Cambridge and Malden: Polity Press.

Avdokushin E.F., Zharikov M.V. (2013) *Strany BRICS v sovremennoi mirovoi ekonomike [BRICS Countries in the Contemporary World Economy]*. Moscow: MAGISTR INFRA-M. (In Russian)

---

¹ The editorial board received the article in March 2018.

This research was made in the framework of the project supported by the St. Petersburg State University (IAS code 17.37.226.2016).

- BRICS (2017) BRICS Leaders Xiamen Declaration. Xiamen, China, 4 September. Available at: https://brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170908_2020.html (accessed 20 October 2018)
- Carafano J. (ed.) (2015) *U.S. Comprehensive Strategy Toward Russia*. Washington DC: The Heritage Foundation.
- Charap S., Shapiro J. (2014) *A New European Security Order: The Ukraine Crisis and the Missing Post-Cold War Bargain*. Paris: FRF.
- Cheng D. (2016) China: Ready to Assume a Leadership Role? The Heritage Foundation. Available at: <http://www.heritage.org/research/commentary/2016/3/china-ready-to-assume-a-leadership-role> (accessed 12 February 2018).
- Collins J. (2015) Daunting Challenges and Glimmers of Hope in Ukraine. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <http://carnegieendowment.org/2015/11/20/dauntingchallenge-sandglimmersofhopeinukraine/im6s> (accessed 12 August 2017).
- Forsberg T., Heller R., Wolf R. (2014) Introduction. *Communist and Post-Communist Studies*, no 47, pp. 261–268.
- Fulquet G. (ed) (2015) *The Rise and Fall of International Powers: An Assessment of the BRICS*. Buenos Aires: FLACSO.
- Glinkin S.P. (2014) *Novoe napravlenie rossiyskoi vneshnei vneshneekonomicheskoi politiki – vzaimodeistvie v BRICS* [New Vector of Russia's Foreign and Foreign Economic Policy: Interaction in BRICS]. Moscow: RAS Institute of Economics. (In Russian)
- Granhölm N., Malminen J., Persson G. (eds) (2014) *A Rude Awakening: Ramifications of Russian Aggression Towards Ukraine*. Stockholm: FOI.
- Gronskaya N.E., Makarychev A.S. (2010) Ideya imperii i “myagkaya sila:” mirovoi opyt i rossiyskie perspektivy [Imperial Idea and “Soft Power:” World Experience and Russian Prospects]. *Management Issues*, no 10, pp. 22–27. (In Russian)
- Gupta S., Chatterjee S. (2015) Indian Foreign Policy and Coexistence: Continuity and Change. *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order* (C. de Coning, T. Mandrup, L. Odgaard (eds)). Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group, pp. 100–24.
- Hansen F., Sergunin A. (2015) Russia, BRICS, and Peaceful Coexistence: Between Idealism and Instrumentalism. *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order* (C. de Coning, T. Mandrup, L. Odgaard (eds)). Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group, pp. 75–99.
- Heininen L. (2016) Security of the Global Arctic in Transformation: Potential for Changes in Problem Definition. *Future Security of the Global Arctic: State Policy, Economic Security and Climate* (L. Heininen (ed)). Basingstoke: Palgrave Pivot.
- Hettne B., Inotia A., Sunkel O. (1999) *Globalism and the New Regionalism*. London: Macmillan.
- IBASE (2015) BRICS: New Configurations of Global Power. Instituto Brasileiro de Análises Sociais e Econômicas (IBASE). Rio: IBASE.
- Kanet R. (2010) *Russian Foreign Policy in the 21st Century*. London and New York: Palgrave Macmillan.
- Konyshev V.N., Kubyshkin A.I., Sergunin A.A. (2015) Zashita grazhdanskogo naseleniya v mirotvorcheskoi deyatelnosti OON: problemy i perspektivy [Civilian Population's Protection in the UN Peacekeeping Activities: Problems and Prospects]. *National Interests: Priorities and Security*, no 26, pp. 53–66. (In Russian)
- Konyshev V.N., Nocen E., Sergunin A.A. (2017) Simvolicheskie i reputatsionno-statusnye strategii BRICS: problemy i vozmozhnosti [BRICS Symbolic and Reputational-Status Strategies: Problems and Opportunities]. *Simvolicheskaya Politika. Vyp. 5: Politika Identichnosti* [Symbolic Politics. Issue 5: Identity Politics] (O.Y. Malinova (ed)). Moscow: INION RAN, pp. 159–174. (In Russian)
- Korshunov S.A. (2013) BRICS v sovremennom mire i interesy Rossii [BRICS in the Contemporary World and Russia's Interests]. *World and Politics*, no 1, pp. 44–7.
- Kuhn U. (2015) Understanding Russia. *Russian Analytical Digest*, no 162, pp. 5–8.

- Kuzmin V. (2013) New BRICS Reserve Pool to Fight Currency Shocks. *Russia Beyond the Headlines*, 11 September.
- Lagutina M.L. (2009) *Miropoliticheskie aspekty global'noi stratifikatsii* [World-Policy Aspects of Global Stratification]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press. (In Russian)
- Lagutina M.L., Batur A.G. (2016) “Novy Shelkovy Put:” Amerikanskaya strategiya v sovremennoi Evrazii [“New Silk Road:” American Strategy in the Present-Day Eurasia]. *Eurasian Law Journal*, vol. 7, no 98, pp. 36–41. (In Russian)
- Lagutina M.L., Vasilieva N.A. (2012) *Global'ny evraziyskiy region: opyt teoreticheskogo osmysleniya sotsial'no-politicheskoi integratsii* [The Global Eurasian Region: Theorizing Socio-Political Integration]. St. Petersburg: Technical University Press. (In Russian)
- Larson D., Shevchenko A. (2010) Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. *International Security*, vol. 34, no 4, pp. 63–95.
- Laruelle M. (2008) *Russian Eurasianism, An Ideology of Empire*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Leksytina Y.V. (2016) Kitay v BRICS: pervy sredi ravnykh [China in BRICS: Primus Inter Pares]. *Far Eastern Issues*, no 5. (In Russian)
- Leksytina Y.V. (2017) Liderstvo v BRICS: prognozy i realii [Leadership in BRICS: Prognoses and Realities]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no 5, pp. 25–33. (In Russian)
- Lenin V.I. (1970) Sobranie aktiva moskovskoi organizatsii RKP (b) 6 dekabrya 1920 g. Doklad o konstessiyakh [The Caucus Meeting of the RCP (b) Moscow Organization. 6 December 1920. Report on Concessions]. *Omnibus Edition*, 5th ed. Moscow: Politizdat. (In Russian)
- Lukyanov F. (2011) BRICS Goes From Fantasy to Reality. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/redcol/BRICS-goes-from-fantasy-to-reality-15169>.
- Mandrup T., Smith K. (2015) South Africa’s “Diplomacy of Ubuntu:” An African Approach to Coexistence? *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order* (C. de Coning, T. Mandrup, L. Odgaard (eds)). Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group, pp. 149–70.
- Meena K. (2015) Regions, Regionalization and BRICS. *R/evolutions: Global Trends and Regional Issues*, vol. 3, no 1, pp. 18–42.
- Midlarsky M. (1969) *Status Inconsistency and the Onset of International Warfare*. Evanston: Northwestern University.
- Mikhailenko E.B. (2016) Al'ternativny regionalizm BRICS [BRICS' Alternative Regionalism]. *Proceedings of the Ural Federal University: Series 3, Social Sciences*, vol. 11, no 3, pp. 194–206. (In Russian)
- Nadkarni V., Noonan N.C. (eds) (2013) *Emerging Powers in a Comparative Perspective: The Political and Economic Rise of the BRIC Countries*. New York: Bloomsbury.
- Neumann I. (2005) Russia As a Great Power. *Russia As a Great Power. Dimensions of Security Under Putin* (J. Hendeskog, V. Konnander, B. Nygren, I. Oldberg, C. Pursiainen (eds)). Abingdon: Routledge, pp. 13–28.
- Neumann I. (2007) Russia as a Great Power. *Journal of International Relations Development*, vol. 11, no 2, pp. 128–151.
- Nye J. (2013) What China and Russia Don't Get About Soft Power. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power (accessed 12 February 2018).
- Okuneva L.S. (2012) *BRICS: problemy i perspektivy* [BRICS: Problems and Perspectives]. Moscow: MGIMO MFA RF. (In Russian)
- Onuf N. (2013) *Making Sense, Making Worlds: Constructivism in Social Theory and International Relations*. Abingdon: Routledge.
- Organski A.F.K. (1958) *World Politics*. New York: Alfred and Knopf.
- Panova V. (2013) BRICS: problemy vzaimodeistviya i potentsial sotrudnichestva [BRICS: Problems of Interaction and Cooperative Potential]. *Observer*, no 1, pp. 39–53. (In Russian)
- Russian Gazette (1999) Stroitel'stvo novogo mirovogo poryadka [Building a New World Order]. Available at: <http://www.rg.ru/prilog/es/0904/1.htm> (accessed 12 August 2017). (In Russian)

- Sergunin A. (2010) Suverenitet: evolutsiya kontsepta [Sovereignty: The Concept's Evolution]. *POLITEKS*, vol. 6, no 4, pp. 5–21. (In Russian)
- Sergunin A. (2013) Bridging a (Mis)perceptual Gap: The EU's Eastern Partnership and Russian Policies in the Trans-Caucasus. *Bilge Strateji*, vol. 5, no 8, pp. 24–25.
- Sergunin A. (2014) Has Putin the Pragmatist Turned into Putin the Ideologue? *Vlaams Marxistisch Tijdschrift*, vol. 48, no 2, pp. 68–69.
- Sergunin A. (2016) *Explaining Russian Foreign Policy Behavior: Theory and Practice*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Sergunin A. (2017) Russian Perceptions of the Ukrainian Crisis: From Confrontation to Damage Limitation? *Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis From the Soviet Union into Eurasia?* (G. Besier, K. Stoklosa (eds)). Abingdon: Routledge, pp. 41–54.
- Sergunin A., Karabeshkin L. (2015) Understanding Russia's Soft Power Strategy. *Politics*, vol. 35, no 3–4, pp. 347–363.
- Simha R.K. (2013) Why Russia Prefers BRICS to Europe. *Russia Beyond the Headlines*. 8 October.
- Smith H. (2014) Russia As a Great Power: Status Inconsistency and the Two Chechen Wars. *Communist and Post-Communist Studies*, no 47, pp. 355–363.
- Stuenkel O. (2014a) Emerging Powers and Status: The Case of the First BRICS Summit. *Asian Perspective*, vol. 38, no 1, pp. 89–109.
- Stuenkel O. (2014b) *The BRICS and the Future of Global Order*. Lanham: Lexington Books.
- The Moscow Times (2014) Russia Says BRICS Development Bank Ready to Launch. 9 July. Available at: <http://www.themoscowtimes.com/business/article/russia-saysbrics-development-bank-ready-to-launch/503183.html> (accessed 12 August 2017).
- Toloraya G.D. (2011) BRICS: shans izmenit' miroporyadok? [BRICS: A Chance to Change the World Order?] *The World of Change*, no 3, pp. 136–152. (In Russian)
- Toloraya G.D. (2014) Problemy vyrabotki dolgosrochnoi strategii BRICS: rossiysky vzglyad [Making a Long-Term BRICS Strategy: The Russian Perspective]. *Comparative Politics*, vol. 14, no 1, pp. 37–46. (In Russian)
- Toloraya G.D., Chukov R.S. (2016) Rasschityvat' li na BRICS? [Should We Rely on BRICS?] *International Organisations Research Journal*, vol. 11, no 2, pp. 97–112.
- Tsygankov A. (2013) Moscow's Soft Power Strategy. *Current History*, vol. 112, no 756, pp. 259–264.
- Tsygankov A. (2013) Vsesil'no potomu chto verno? [Omnipotent Because It's True?] *Russia in Global Politics*, no 12. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vsesilno-ibo-verno-16251> (accessed 12 February 2018). (In Russian)
- van Langenhove L. (2011) *Building Regions: The Regionalization of the World Order*. Abingdon: Ashgate Publishing.
- Wallace M. (1973) Alliance Polarization, Cross-Cutting and International War, 1815–1964: A Measurement Procedure and Some Preliminary Evidence. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 17, no 4, pp. 575–604.